

DOI 10.15826/qr.2017.1.216

УДК 913(571.1)+351.712

СИБИРСКИЙ СЕВЕР: ДИНАМИКА ОБРАЗА – ОТ *BARREN GROUNDS* К *NORTHERN PLAIN**

Евгений Гололобов

Сургутский государственный педагогический университет,
Сургут, Россия

THE SIBERIAN NORTH AND THE DYNAMICS OF AN IMAGE: FROM *BARREN GROUNDS* TO A *NORTHERN PLAIN*

Evgeny Gololobov

Surgut State Pedagogical University,
Surgut, Russia

Своеобразие русской культуры
постигалось в антитезе ее как Западу, так и Востоку.
Россия получала в этой типологии наименование Севера.

Ю. Лотман

This article analyses how the image of the Siberian North was formed by scientists, specialists, and officials as an intellectual construct that emerged from their work. The image of the region is also regarded as a phenomenon of collective consciousness. According to the author, such modelling was limited to the most vivid scientific, popular, and journalistic works, which were meant for a vast audience. The first attempt at such modelling was made in the late 1920s. This was a time of considerable administrative, social, cultural, and territorial changes, which manifested themselves not only in the central regions but also in the more remote parts of the country. The period was characterised by an intensive search for ways to develop the northern territories

* Citation: Gololobov, E. (2017). The Siberian North and the Dynamics of an Image: From *Barren Grounds* to a *Northern Plain*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5, № 1, p. 137–152. DOI 10.15826/qr.2017.1.216.

Цитирование: Gololobov E. The Siberian North and the Dynamics of an Image: From *Barren Grounds* to a *Northern Plain* // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 1. P. 137–152. DOI 10.15826/qr.2017.1.216 / Гололобов Е. Сибирский Север: динамика образа – от *Barren Grounds* к *Northern Plain* // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 1. С. 137–152. DOI 10.15826/qr.2017.1.216.

and uncover the potential of the region: it was to rely on a scientific use of its resources. These ideas were fully realised in the second half of the 20th century with the full-scale exploitation of oil and gas deposits. During the 20th century, the development of the Siberian North was based on the idea of the industrialisation of the region, which was later on implemented in practice. This industrialisation was perceived as a synonym for the development of the North. Anything that furthered the development of large-scale industry, transportation, and communications in the Siberian North was considered a positive development, while anything that impeded them had to be eliminated. In the symbolic and socio-economic space of the USSR, the Siberian North was a conquered land. However, this later led to anthropogenic environmental issues.

Keywords: Siberian North; image construction; industrial standard of territorial development; development of the North in the 20th century.

Анализируется моделирование образа региона Сибирского Севера учеными, специалистами, управленцами, по работе и долгу службы связанными с этим регионом как с интеллектуальным конструктом. Он рассматривается также как феномен общественного сознания. Инструменты такого моделирования ограничены наиболее яркими, с точки зрения автора, научными, научно-популярными и публицистическими изданиями, ориентированными на широкий круг читателей. Первая такая попытка моделирования была предпринята в конце 1920-х гг. Это время серьезных преобразований административно-территориального характера, кардинальных изменений в экономической, социальной и культурной сферах жизни общества, которые не обошли стороной и окраины государства. Именно в это время шел интенсивный поиск путей развития северных территорий, велико было стремление раскрыть потенциальные возможности региона, опираясь на научно обоснованное комплексное использование его ресурсов. В полной мере эти идеи реализовались во второй половине XX в. после широкомасштабного освоения месторождений нефти и газа. В основе освоения Сибирского Севера в XX в. лежала идея индустриализации территории, затем реализованная на практике. Фактически индустриализация региона отождествлялась с прогрессивным развитием Севера. Все, что работало на развитие крупной промышленности, транспорта, коммуникаций на Сибирском Севере, объявлялось положительным, а что препятствовало поступательному движению в этом направлении, необходимо было устранить. В символическом и социально-экономическом пространстве СССР Сибирский Север стал освоенной, покоренной территорией. Однако впоследствии это привело к экологическим проблемам техногенного и антропогенного характера.

Ключевые слова: Сибирский Север; конструирование образа; индустриальный стандарт освоения территории; освоение Севера в XX в.

Россия – это Запад или Восток? Россия – это Север!

Современный Сибирский Север, особенно его западная часть, – активно развивающийся регион, в значительной степени формирующий российский бюджет. Его значение для социально-экономического развития страны очевидно. Но так было не всегда. В первой половине XX в. социальную и экономическую значимость Сибирского Севера и Севера вообще необходимо было объяснять и доказывать, формируя его положительный образ, который, несмотря на свои богатые природные ресурсы, имел в общественном сознании и в представлениях советских и партийных руководителей негативные черты. В статье «О путях сообщения на Севере» Б. М. Житков в 1927 г. писал: «Успехи техники и изменяющиеся условия жизни обыкновенно быстро опровергают взгляд на те или иные территории как на бесполезные в государственном отношении и показывают, что научные обследования таких территорий должны производиться неустанно и заблаговременно. Канада недавно официальным актом отменила термин *Barren Grounds* (бесплодная область) и заменила его термином *Northern Plain* (северная равнина). Наши полярные окраины также отнюдь не бесплодны в экономическом отношении и требуют полезных затрат и неустанного изучения» [Житков, с. 110].

Если в начале века Север привлекал к себе романтикой, необычной красотой природы, жаждой новых открытий, то уже с 1920-х гг. он стал приобретать вполне конкретное экономическое значение, особенно для стран, расположенных в высоких широтах (Советский Союз, Канада, США, Норвегия, Дания, Швеция и Финляндия).

Значительной частью Российского Севера является Север Сибири – регион, в котором на протяжении всего XX в. активно шли модернизационные процессы различной длительности и интенсивности. Сибирский Север – это не только историческая, экономико-географическая и административная реальность, но и ментальная конструкция с постоянно меняющимися границами. В статье речь пойдет о моделировании образа Сибирского Севера как интеллектуального конструкта в трудах ученых и специалистов, по работе и долгу службы связанных с Севером, и об изучении его как феномена общественного сознания. За основу автор принял следующие положения.

Образ Сибирского Севера органически связан с понятиями «Север» и «Сибирь». Но, являясь составной частью того и другого, он не тождественен каждому из этих понятий в отдельности. Этот образ сознательно конструировался интеллектуальными элитами (учеными, специалистами, писавшими на «северную тему») с целью утвердить мысль о его большом значении для страны, раскрыть потенциал региона, привлечь внимание власти и общества к необходимости его хозяйственно-экономического освоения. Развитие образа Сибирского Севера на протяжении большей части XX в. протекало под знаме-

нем модернизации в форме индустриализации, содержанием которой стало промышленное освоение сырьевых ресурсов. Следовательно, все, что соответствовало индустриальному стандарту освоения, что работало на него, было со знаком «плюс», что этому стандарту не соответствовало, препятствовало его укоренению на Сибирском Севере, оценивалось со знаком «минус». Индустриальный стандарт освоения территории подразумевает рациональный контроль не только над социальным, но и над природным окружением человека, осуществление научной революции, расширение прикладных научных исследований, распространение рационального взгляда на жизнь. Он стал воплощением победившей в СССР парадигмы «покорения природы», региональным вариантом которой стало «наступление на Север», «покорение Севера», «завоевание Севера». Образ Сибирского Севера стал составной частью процесса внутренней колонизации региона, которую советское руководство проводило под антиколониальными лозунгами¹.

Исходя из того, что географические образы – это устойчивые пространственные представления, которые формируются в результате какой-либо человеческой деятельности, необходимо уточнить понятие образа региона. По характеристике исследователя, это «не просто отражение в общественном мнении представлений о регионе, базирующихся на знаниях о нем, но и продукт коллективного воображаемого, который может сознательно конструироваться заинтересованными интеллектуальными или политическими элитами. В данном случае важно, что образы, по сути, являются моделями определенного географического пространства, создаваемыми для более эффективного достижения определенной цели» [Замятин, с. 48].

В 1929 г. в свет вышел сборник «Советский Север», который был предназначен для ознакомления советской общественности с природными условиями, бытом, культурой и историей коренного населения Севера. Вошедшие в него статьи носили популяризаторский и образовательный характер, приближая Север к интересам общества [Советский Север]. Необходимость подобного рода публикаций можно понять из выступления А. Е. Скачко в 1929 г. на VI расширенном Пленуме Комитета Севера, в котором он говорил о необходимости землеустройства малых народностей Севера². Он отмечал, что значительному количеству ответственных работников центральных органов власти, включая Наркомзем РСФСР, который, собственно, и должен был заниматься землеустройством, это дело представлялось «совершенно фантастическим, ненужным и невозможным». Широкие общественные и чиновничьи круги советского государства, как и их коллеги десятилетия назад, представляли себе Крайний Север

¹ Более подробно о культурных и социальных аспектах внутренней колонизации России см.: [Там внутри].

² Скачко Анатолий Евгеньевич (1879–1941) – офицер, участник Первой мировой и Гражданской войн, военный журналист и военный топограф; в 1930-е гг. — заместитель председателя Комитета Севера при ЦИК СССР.

в виде необъятных земельных пространств, безграничных площадей «ничьей», никому не принадлежащей, никем не освоенной и никак не используемой земли. Скачко ставил вопрос о том, что многие до сих пор не понимают, зачем нужно землеустройство там, «где на одного человека приходится сотни километров земли», где население с землей не связано, где оно не имеет постоянного места жительства, вечно «бродит» без всякого порядка и системы, «теряясь в бескрайних пространствах никем не измеренной и никем даже не исхоженной земли», и подчеркивал, что когда такие взгляды становятся преобладающими в учреждениях, от которых зависит включение землеустройства в программу государственных мероприятий и его финансирования, географический образ из абстракции превращается в реальный инструмент государственной политики [Скачко, с. 7].

«Ужасы» Сибирского Севера

В XIX – начале XX в. образ Севера в целом был негативным. Суровый, трудный для жизни, пустынный, безлюдный, дикий, неосвоенный, неизученный и неизвестный – основные эпитеты, выражающие отношение к краю. Север традиционно воспринимался как регион с суровыми природно-климатическими условиями, в которых человеку жить невозможно или, по крайней мере, очень тяжело, что отразилось и в русской литературе XIX в. Суровые оценки найдутся не только у Н. В. Гоголя, выросшего в южных краях, писавшего: «в искаженных чертах природы прочитывается ужас, и земля превращается в оледенелый труп» [Гоголь, т. 6, с. 120], но и у Н. А. Некрасова:

Да... страшный край. Оттуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной...

[Некрасов, с. 140].

К этой цитате обратится впоследствии С. А. Бутурлин, задавшись вопросом о возможности жизни на Севере. Он же приведет свои наблюдения:

...Морозы, господствующие здесь в течение зимы, когда ртуть на целые месяцы становится твердым металлом, земля трескается, дерево становится хрупким, как стекло, так что от легких ударов по кустам и ветвям они со звоном разлетаются на куски, а при засупонивании хомута одна за другой лопаются массивные деревенские дуги [Бутурлин, с. 30]³.

³ Бутурлин Сергей Александрович (1872–1938) – русский орнитолог, путешественник, охотовед, автор работ по систематике птиц России и охотничьему хозяйству.

Суровость, пустынный, «дикость» Севера очень часто доказывались «фактом вымирания» северных коренных народов («инородцев», по терминологии рубежа XIX – первой трети XX в.). В конце XIX начале – XX в. в обыденном сознании сложился образ вымирающих народов севера, не выдерживающих натиска «цивилизации», выразившейся в форме «спирта, сифилиса и торгового обмана». Эти представления были достаточно широко распространены как в обществе, так и в органах власти в 1920-е гг.

С необжитостью территории Сибирского Севера была тесно связана его слабая заселенность: «...люди терялись в суровом краю. Одинокие, на сотни верст разбросанные фактории и шесть сотых человека на квадратный километр» [Газетные вырезки о работе на Тобольском Севере 1926–1929 гг.]. Негативно оценивалась возможности освоения Севера и из-за его бездорожья. Отсутствие надежных постоянно действующих транспортных коммуникаций усиливало ощущение оторванности от центров активной социальной жизни, что образно представил С. А. Бутурлин, в котором исследовательский талант соединился с поэтическим:

И длится наш путь бесконечный,
Тихонько олени бредут,
И сухо стучат их копытца,
И нарты скрипят и ползут...
<...>
Не день, не неделю, не месяц
Все длится и длится наш путь,
Все дики картины природы:
Пустыня, куда ни взглянуть.
И точно во сне пролетают
Озер бесконечная цепь,
И рек беспредельных долины,
И тундры бесплодная степь,
И старого леса равнины,
Болота, и гарь, и снега,
И гор обнаженных вершины –
Сибири свободной земля.

Таким образом, пространство Сибирского Севера моделировалось как отсталое, не соответствующее индустриальным стандартам: промышленность и крупные населенные пункты отсутствовали, плотность населения была близка к нулю, культурная дистанция между коренными народами Севера и населением европейской части страны была огромная. Это пространство надо было превратить в перспективную территорию, которую можно было бы освоить, использовать экономически. Север должен был стать нужным новой власти, новому государству.

«Возможности Севера огромны, и будущее его блестяще»: равнение на индустриальный стандарт

С. А. Бутурлин попытался ответить на им же поставленные вопросы: что такое Север и каковы его перспективы. По его мнению, морозы сами по себе не страшны. В доказательство он приводит пример Среднего Поволжья, в котором «почти каждую зиму доходят морозы до -43°C , а в 1892 г. доходили до -52°C , и никто еще не находил жизнь в Самаре, Ульяновске или Казани несносной из-за морозов» [Бутурлин, с. 35]. При этом одежда, используемая в средней полосе, ни в какое сравнение не идет с одеждой северян: «...поволжская овчина, хотя бы и романовская, при пятидесятиградусных морозах греть перестает и становится ломкой, жесткой и теплопрозрачной, как жель. Это не то, что оленный выпороток или пыжик, всегда остающийся легким, мягким и теплым» [Там же, с. 35]. Если еще учесть «чистоту северного воздуха во всякое время года, отсутствие в нем пыли, микробов», то становится очевидным, что северные морозы гораздо лучше, чем «палящая июньская жара Кулунды или окраин Туркестана» [Там же, с. 35–36]. Автор находит природу края притягательной. Тундра с северным сиянием над головой для Бутурлина лучше «туманного московского или ленинградского зимнего дня на дне одного из столичных дворов-колодцев». Север привлекателен для людей, «не любящих протоптанных дорог и избитых клише, не поддающихся предрассудкам, не нуждающихся в суматохе толпы, не боящихся самостоятельного нелегкого труда» [Там же, с. 65]. Этот суровый край воспринимается им как земля для предприимчивых, деятельных людей, для тех, кто стремится к новизне, открытиям и свершениям.

Такие же восхищенно-романтические чувства испытывал по отношению к Сибирскому Северу и Виталий Бианки. В 1930 г. он вместе с художником В. Курдовым отправился на север Западной Сибири. Во время путешествия Бианки вел записи, а художник рисовал. По возвращении они издали книгу о своих путевых впечатлениях, озаглавленную «Конец земли» [Бианки]. В этой поездке писатель познакомился с первым директором Кондо-Сосьвинского заповедника В. В. Васильевым. После возвращения в Ленинград общение друзей продолжилось. В одном из писем к Васильеву Бианки сообщал:

... Тем не менее, я каждую ночь пьян. Я бы не хотел жить в другое время; нашего времени не променяю ни на что. Мне нравится такая жизнь – это лихой полет в неизвестность. Но то, что я видел в Конце Земли, та громадная дыра в вечность снится мне ночами. Когда снится мне зеленое ущелье Сосьвы, таинственный в своей нетронутости урман, следящий на берегу, глухарь на ели, – я потом целый день сам не свой, я в каменных громадах домов вижу громадные каменные гробы.

Черт меня дернул родиться в том веке!
Мы были музыкой во льду.
Я говорю про всю среду,
С которой я имел в виду
Сойти со сцены, и сойду.
Здесь места нет стыду.
Я не рожден, чтоб три раза
Смотреть по-разному в глаза.
Гощу. Гостить во всех мирах –
Высокая болезнь (Б. Пастернак).

От этой высокой болезни сдохнуть весьма просто. Погостил на Сосьве, теперь гощу в Питере – и тянет, тянет опять в урман [Письма В. В. Васильеву...].

Суровый и неприступный Сибирский Север воспринимался им в романтических красках как место для героических свершений, предоставляющее возможность проявить себя.

Пустынность и необжитость Сибирского Севера в первую очередь связывались с образом жизни его коренных малочисленных народов. Кочевые и «бродячие» народы Сибирского Севера явно не вписывались в европоцентричные индустриально заданные стандарты оседлости как высшей формы хозяйствования, товарно-денежных отношений, цивилизованного быта. Как уже отмечалось, культурная дистанция была очень велика. Это делало коренные малочисленные народы Севера объектом постоянной внутренней колонизации. Перефразируя А. Эткинда, «есть культурная дистанция – есть колониальная ситуация»⁴.

Специалисты в конце 1920-х гг. всегда подчеркивали, что коренные народы Севера создали самобытную, самоценную культуру, достижения которой необходимо использовать в современном обществе, особенно при дальнейшем освоении этих территорий. Малые народы Крайнего Севера – это «герои, стоящие на самом опасном фронте человечества». Фронт же этот – необозримые северные пространства, богатые различными ресурсами. Именно малые народы Севера должны были стать основной производительной силой, способной обеспечить продвижение общества, его экономики, дать возможность «в будущем использовать разнообразнейшие богатства, которыми так изобилуют северные области нашего материка» [Налимов, с. 21].

Очень образно и ярко о важности коренных северян для развития региона писал С. А. Бутурлин: «...мир существует не для хранителей музеев... Живые, способные, симпатичные племена севера имеют иные исторические задачи, кроме облегчения этнографического

⁴ «Нет культурной дистанции – нет колониальной ситуации» [Эткинд, с. 111].

преподавания... их физические и психические свойства, воспитание в условиях севера, весь их быт, совершенно приспособленный к полярной жизни, драгоценны и необходимы для всякой работы на севере, для всякого использования северных богатств. Эти народы сами – лучшее богатство севера, имеющее совершенно практическую, реальную ценность для государства» [Бутурлин, с. 57].

Очевидно, что будущее коренных малочисленных народов Севера рассматривалась в рамках утилитарного дискурса. Достойным внимания в их культуре признавалось то, что могло стать полезным для освоения природных ресурсов. Будучи сами приверженцами эволюционизма, поступательного движения по пути научно-технического прогресса, ученые, специалисты, ответственные работники советских учреждений и организаций, занимавшиеся по долгу службы Севером, не видели самоценности северной культуры как таковой, ее значимости для российской и мировой культуры в целом. На эволюционной лестнице развития мировой цивилизации культура народов Сибирского Севера занимала нижние ступеньки. Поэтому неосвоенность Севера переосмысливалась как его «молодость», таящая в себе колоссальные потенциальные возможности. «Разум Запада» отождествлялся с «разумом самой Истории». Тысячи поколений коренных народов Севера, их опыт освоения региона сообразно его природным условиям в качестве подлинной истории не рассматривались. Жизнь этих поколений была *предысторией* к настоящей, подлинной индустриальной истории будущего.

Пропуском в «настоящую историю» должны были стать большие потенциальные возможности региона, в первую очередь связанные с богатыми природными ресурсами, которые, правда, очень сложно добыть. С. Швецов писал о Сургутском крае: «...дикая могучая природа заключает в себе неисчерпаемые богатства, только как бы нарочно, для лучшего охранения своих сокровищ от жадности человека, она приняла суровые неприступные формы» [Швецов, с. 3]. Приверженец идеи прогресса Бутурлин отмечал: «Эти средства еще не вложены в районы Севера, этот труд еще не окристаллизовался в их тундрах, но у нас нет ни малейшего основания думать, что труд и знания человека не дадут на севере того, что они дают неизбежно везде и всегда» [Бутурлин, С. 48].

Однако попытка сформировать «положительный» образ Севера, имевшая место в конце 1920-х гг., не увенчалась успехом в полной мере. Коренные народы Севера оказались под колпаком государственной патерналистской политики, подневольный труд и ГУЛАГ вновь реанимировали образ Сибирского Севера как «места каторги и ссылки».

Радикальным образом ситуация изменилась во второй половине XX в.

Массированный бросок на Север: индустриальный стандарт – в действии

«Сеять и удобрять почву» стали с середины 1960-х гг. в связи с беспрецедентными масштабами хозяйственного освоения запасов углеводородного сырья на севере Западной Сибири. В конце 1970-х гг. известный исследователь Севера В. В. Крючков утверждал, что без этих ресурсов немыслимо развитие народного хозяйства [Крючков, с. 65]. В середине 1980-х гг. Е. Е. Сыроечковский констатировал: «Трудно себе представить экономику нашей страны без нефти и газа севера Западной Сибири, без якутских алмазов, кольских апатитов, норильских цветных металлов, магаданского золота, без северной пушнины и рыбы, таежных лесных ресурсов» [Сыроечковский, с. 3]. В научной и научно-популярной литературе создавался образ Сибирского Севера, богатого нефтью, газом, цветными металлами, редкими полезными ископаемыми. Крупнейшая нефтегазовая провинция, главные запасы каменного угля и алмазов, более двух пятых всех запасов эксплуатационного лесного фонда – и все это исчислялось в тысячах километров, миллионах тонн, миллиардах кубометров. Это порождало уверенность в том, что ресурсы Севера неисчерпаемы [Белорусов, Панфилов, Сеников, с. 7; Яновский, с. 16]. Казалось, что это «кладовая без дна».

Такая высокая, без акцентов на трудных условиях добычи, оценка тиражировалась в формулировках решений партии. На ноябрьском (1981 г.) пленуме ЦК КПСС указывалось: «проведенное недавно уточнение запасов газа, нефти и конденсата в Западной Сибири еще раз показало, что природа нас не обидела. Ресурсы, которыми обладает страна, позволяют с уверенностью смотреть в будущее. Надо только по-хозяйски, с умом ими распоряжаться» [Белорусов, Великопольский, с. 4]. Сибирский Север стремительно становился в общественном сознании освоенным регионом, соответствующим индустриальным стандартам.

Тема освоения Севера эксплуатировалась в партийной риторике как предмет гордости и доказательство силы советской власти, превращаясь в момент усиления советской идентичности:

Масштабы и темпы освоения огромной почти пустынной территории, площадь которой равна всей Западной Европе, в суровых северных условиях и при почти полном бездорожье не имеют прецедента в мировой практике и практике освоения новых районов СССР. Задача решается усилиями всей страны с привлечением многих десятков научных и проектных организаций. Со всех концов страны поставляются машины, оборудование, строительные материалы [Славин, с. 151].

Не менее важной становится идея о победе человека над природой и, как следствие, о правильной политике власти в области индустриализации. Не смущала и гиперболизация достижений, рисовавшихся пафосными красками:

В глухой нехоженной сибирской тайге, в зоне, где на огромных территориях не было никаких путей сообщения, в короткий срок создана крупнейшая в стране база нефтяной и газовой промышленности. В таежных дебрях, где редко ступала нога человека, построены новые современные города, рабочие поселки. Создана и расширяется сеть железных дорог, аэродромов, речных портов [Белорусов, с. 3].

Для усиления эффекта были привлечены журналисты из братской Чехословакии. Летом 1959 г. группа корреспондентов совершила путешествие по восточным районам Советского Союза. Они посетили прииски Алдана, алмазный город Мирный, а также Братск, Ангарск, Байкал и т. д. В 1960 г. в Праге вышла книга, в которой звучала та же похвальная риторика:

Современное наступление индустриализации на восточносибирскую тайгу, некогда дикую, – результат огромной предварительной работы всего советского народа. Необходимо было воспитать и организовать великую армию отважных, готовых к испытаниям геологов, строителей, шоферов, инженеров. И только тогда смог советский народ начать генеральную атаку на восточносибирскую тайгу. Мы видели сокровища, которые тайга вынуждена отдать человеку. Мы видели трубы заводов над диким лесом и гигантские стройки в ранее недоступных местах. <...> Мы видели начало генерального наступления на Сибирь. Мы узнали человека, который доведет эту битву до победы [Ногац, Оборский, с. 9–10].

Необходимость привлечения добровольной рабочей силы для освоения Севера привела к созданию образа советского человека, каждодневный труд которого описывался в поэтически возвышенных тонах; градус риторической похвалы в публицистике зашкаливал:

...Человек все дерзновеннее, все масштабнее проникает в толщу вечной мерзлоты, покрывающей более половины территории России, в вековые дебри тайги, неоглядную синь воздушного океана и просторы Северного Ледовитого. И проникает не только как первопроходец, но и как созидатель, возводя города, сооружая дороги, рудники, электростанции. И мерой времени, и мерой пространства, и мерой ресурсов, и темпом их освоения, и, наконец, мерой труда и подвига человека Север СССР не имеет себе равных на земле [Яновский, с. 13].

Некоторое отрезвление наступило начиная с 1970-х гг., когда стало складываться понимание специфики северной природы. Разрушенные природные комплексы восстанавливаются трудно и медленно: достаточно несколько раз гусеничной технике проехать по тундре, и скудный покров из ягеля и мхов повреждается навсегда, оставляя незаживающие раны в виде оползней, эрозии почвы, опустынивания: «Только один вездеход, пройдя летом по тундре 3 км, повреждает до 1 га оленьих паст-

бищ, многократные же переезды уничтожают их полностью» [Земцов, с. 40]. Вырубки нередко заболачиваются, ценные пушные животные истребляются быстро, а восстанавливаются их популяции медленно, так как темпы их воспроизводства ниже, чем в более южных районах. Факты существенных изменений условий естественного воспроизводства биологических ресурсов вследствие интенсивного развития промышленности и других отраслей хозяйства на Севере – сокращение уловов рыбы, особенно ценных пород, заготовок промысловой пушнины и птицы – стали проникать в литературу, ориентированную на широкий круг специалистов и заинтересованных читателей [Белорусов, Панфилов, Сенников, с. 40–42]. Первозданная природа Севера, оказавшись под мощным прессом антропогенного воздействия, оказалась хрупкой и ранимой. В научной и научно-популярной литературе, посвященной проблемам освоения Севера, появляются разделы, непосредственно касающиеся вопросов охраны окружающей среды [Проблемы Севера]. Необходимость ее охраны начинает осознаваться обществом.

Изменение приоритетов в освоении природных богатств Севера с биологических ресурсов на добычу полезных ископаемых в промышленных масштабах, да еще стремительными темпами, в 1960–1980-е гг. означало автоматическое исключение представителей коренных малочисленных народов из разряда субъектов хозяйственного освоения региона. В большей степени ими интересовались археологии и этнографы. Несмотря на проведение различных конференций, на которых признавалось целесообразным и экономически оправданным использование труда народностей Севера не только в традиционных отраслях (оленоводство, охота, рыболовство), но и в промышленности, на практике рациональное сочетание традиционных и новых отраслей хозяйства носило декларативный характер в ущерб последним⁵. В советскую систему хозяйствования они вписывались плохо.

Индустриальные стандарты освоения требовали подготовленного «индустриального» человека. Вопрос заселения Сибирского Севера решался путем широкомасштабной миграции трудоспособного населения из густонаселенных регионов СССР. «Героическим покорителем» сибирских северных просторов стал трудовой мигрант, переселенец, который, кстати, совсем не был озабочен вопросом сохранения природы. Быстрее всего росло население ближнего Севера⁶ (за 1972–1984 гг. – на 50 %), что было связано с освоением нефтяных ресурсов Тюменского Севера, лесных, минерально-сырьевых и гидроэнергетических ресурсов Приангарья, со строительством БАМа.

⁵ В качестве примера можно привести Всесоюзную научную конференцию «Народности Севера: проблемы и перспективы экономического и социального развития», которая состоялась 11 октября 1983 г. в Новосибирске (см.: [Шапалин, с. 215–217]).

⁶ К ближнему Северу относились территории, находящиеся в относительной близости к основной железнодорожной сети (200–400 км), к крупным промышленным центрам с менее суровыми климатическими условиями, чем в высоких широтах [Славин, с. 12–13].

Ускоренный рост населения Севера был обусловлен, во-первых, притоком населения из других районов страны, во-вторых, высоким уровнем естественного прироста, который, как правило, был в 1,5–3 раза выше, чем в среднем в РСФСР. Приток его из других регионов был вызван интенсивным промышленным освоением этих территорий и теми льготами, которые предоставлялись населению в законодательно установленных районах Севера. Высокий уровень естественного прироста объяснялся большой долей молодых возрастов в общей численности населения [Социально-экономические проблемы Севера, с. 14].

В автономных округах Тюменской области наблюдался наибольший прирост численности населения, которое за 14 лет (1970–1984) увеличилось в ХМАО в 3,3 раза, в ЯНАО – в 3,8 раза. Эти округа дали почти 30 % общего прироста населения зоны Севера. Рост численности населения зоны Севера приходил в основном за счет горожан, число которых за указанный период увеличилось на 2,7 млн чел., что было связано с промышленной специализацией этого региона [Там же, с. 17].

Для зоны Севера стал характерен более высокий рост численности населения, чем в целом по СССР или РСФСР. С 1970 по 1984 г. население СССР выросло на 40 %. Темпы роста населения на Севере были одними из самых высоких в стране, уступая лишь Средней Азии. В результате доля населения этой зоны постоянно увеличивалась (в 1970 г. – 6,6 %, в 1984 г. – 8 % от общей численности населения РСФСР).

Такой стремительный рост не обеспечивался соответствующей подготовкой инфраструктуры, что резко обостряло социально-бытовые проблемы (с жильем, питанием, образованием, лечением и т. п.). В отдельных районах Севера он не всегда был обусловлен производственной необходимостью. Значительная часть прибывавшей сюда рабочей силы была занята в обслуживающих и вспомогательных отраслях, и ее численность была неоправданно высокой. Если в Воркутинском промузле на одного занятого в угольной промышленности приходилось четыре человека, занятых в обслуживании и вспомогательных отраслях, то в районах Среднего Приобья одного занятого на добыче нефти обслуживали 30 человек. За рубежом это соотношение составляло 1 : 1 или 1 : 2 [Там же, с. 16].

Наиболее актуальными проблемами социально-территориального развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) были повышенный уровень миграции из его подразделений и связанное с этим недостаточное соответствие вновь прибывших мигрантов по профессиональным, социально-демографическим, медико-биологическим и другим параметрам уровню требований, определяемых природными и экономическими условиями региона. В итоге на Севере оказывалось много «лишних» людей, что значительно ухудшало социальную ситуацию. Каждый второй прибывший на предприятия и стройки ЗСНГК уезжал с Севера, прожив здесь менее полутора лет [Силин, Симонов, с. 51]. Однако эти факты не предавались широкой огласке. Они становились известны узкому кругу специалистов и публиковались в отраслевых научных изданиях уже на излете советской эпохи.

Особенно выделялся север Западной Сибири. Это регион, который в беспрецедентно короткое время (середина 1960-х – середина 1980-х гг.) прошел путь от очагового освоения территории, где надо было лишь контролировать объемы добычи определенных ресурсов, до сплошного индустриального освоения с необходимостью комплексного обеспечения охраны окружающей среды. Здесь индустриальный стандарт освоения территории был реализован в полной мере.

Рассматривая образ Сибирского Севера в природно-географическом и социально-экономическом пространстве СССР, мы убеждаемся в том, что на него оказала влияние политическая парадигма «покорения природы», доминировавшая в СССР. Она выражалась и в устойчивых выражениях, таких как, например, «наступление на Север», «покорение Севера», «завоевание Севера». Преобладающим стал «ресурсный» подход, выразившийся в первостепенном развитии добывающей и тяжелой промышленности.

Акцент на развитие индустрии, на освоение природных богатств региона в промышленном масштабе привел к появлению и перемещению в символическом и географическом пространстве границы между природой и окружающей средой. В отличие от природы, не нуждающейся в людях, окружающая среда существует только там и тогда, где и когда существуют люди. Эта разница концептуальна и исторически обусловлена [Лайус, с. 94]. Промышленное освоение Севера Сибири привело к расширению территории окружающей среды и сокращению пространства природы. Образ Сибирского Севера в социально-географическом пространстве СССР и в общественном сознании совершил переход от «бесплодной земли» к «северной равнине». Отрицательная модальность сменилась положительной. Но «плюс» этот оказался в определенной степени эфемерным, будучи обременен зонами экологического бедствия и техногенных катастроф.

Список литературы

- Белорусов Д. В. Западно-Сибирский ТПК. М. : Знание, 1982. 64 с.
- Белорусов Д. В., Великопольский С. Д. Особенности освоения природных богатств Севера. М. : Знание, 1983. 48 с.
- Белорусов Д. В., Панфилов И. И., Сенников В. А. Проблемы развития и размещения производительных сил Западной Сибири. М. : Мысль, 1976. 269 с.
- Бианки В. Конец земли. Путевые впечатления 1930 года : Путевые зарисовки В. Курдова. Л. ; М. : ОГИЗ ; Молодая гвардия, 1933. 152 с.
- Бутурлин С. А. Что такое «Север», кто там живет, и будущее мировое значение его // Советский Север : сб. ст. М. : Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК, 1929. Вып. 1. С. 5–66.
- Газетные вырезки о работе на Тобольском Севере 1926–1929 гг. // ГАРФ. Ф. Р–3977. Оп. 1. Д. 485. Л. 23.
- Письма В. В. Васильеву, первому директору Кондо-Сосьвинского заповедника, от писателя В. Бианки и других // ГА ХМАО. Ф. 421. Штильмарк Феликс Робертович. Оп. 1. Д. 43. Л. 4–7.
- Гоголь Н. В. Мысли о географии // Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 7 т. М. : Худож. лит., 1967. Т. 6.
- Житков Б. М. О путях сообщения на Севере / Советский Север. М. : Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК, 1929. Вып. 1. С. 98–110.

- Замятин Д. Н. Гуманитарная география : Пространство и язык географических образов. СПб. : Алетей, 2003. 331 с.
- Земцов А. А. Север Западной Сибири под техногенным прессом // География и природные ресурсы. 1995. № 4. С. 38–43.
- Крючков В. В. Север: природа и человек. М. : Наука, 1979. 128 с.
- Лайус Ю. А. Конец природы и перспективы экологической истории [рец. на кн.: Nature's End : History and the Environment / eds. S. Sorlin & P. Warde. L. : Palgrave Macmillan, 2009] // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 4. С. 93–96.
- Налимов В. П. К вопросу о сотрудничестве полярных народов в научной работе и в частности в охране природы // Охрана природы. 1928. № 1. С. 20–21.
- Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений : в 15 т. Т. 4. Поэмы 1855–1877 гг. Л. : Наука, 1982.
- Ногач З., Оборский С. Где раньше была тайга... М. : Совет. Россия, 1962. 358 с.
- Проблемы Севера. Вып. 18. Развитие производительных сил и проблемы окружающей среды. М. : Наука, 1973. 238 с.
- Силин А. Н., Симонов С. Г. Социально-экономическое развитие Западно-Сибирского Севера: проблемные ситуации / Изв. Сибир. отд. АН СССР. Сер. экономики и прикладной социологии. № 1. Вып. 1. 1988. С. 50–60.
- Скачко А. Е. Организация территории малых народов Севера // Советский Север : сб. ст. М. : Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК, 1929. С. 3–47.
- Славин С. В. Освоение Севера. М., 1975. 198 с.
- Советский Север : сб. ст. М. : Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК, 1929. Вып. 1. 272 с.
- Социально-экономические проблемы Севера : науч. докл. Свердловск : УНЦ АН СССР, 1985. 45 с.
- Сыроечковский Е. Е. Современные проблемы охраны природы на Крайнем Севере. М. : Об-во «Знание» РСФСР, 1984. 56 с.
- Там внутри : Практики внутренней колонизации в культурной истории России : сб. ст. / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельмана, И. Кукулина. М. : Новое лит. обозрение, 2012. 960 с.
- Шапалин Б. Ф. Всесоюзная научная конференция по вопросу «Народности Севера: проблемы и перспективы экономического и социального развития» // Проблемы Севера. Вып. 22. Основные научные проблемы хозяйственного освоения Севера. М. : Наука, 1986. С. 215–217.
- Швецов С. Очерк Сургутского края // Зап. Зап.-Сиб. отд. ИРГО. Кн. 10. Омск, 1888. С. 11–34.
- Эткинд А. Русская литература XIX века: роман внутренней колонизации // Новое лит. обозрение. 2003. № 59. С. 103–124.
- Яновский В. В. Человек и Север. Магадан : Книж. изд., 1969. 160 с.

References

- Belorusov, D. V. (1982). *Zapadno-Sibirskiy territorialno-proizvodstvenniy kompleks* [Western Siberian Territorial Production Complex]. 64 p. Moscow, Znanie.
- Belorusov, D. V., Velikopol'skiy, S. D. (1983). *Osobennosti osvoeniya prirodnikh bogatstv Severa* [Peculiarities of the Natural Resources Development of the North]. 48 p. Moscow, Znanie.
- Belorusov, D. V., Panfilov, I. I., Sennikov, V. A. (1976). *Problemy razvitiya i razmesteniya proizvoditel'nykh sil Zapadnoy Sibiri* [Problems of Development and Location of Production in Western Siberia]. 269 p. Moscow, Mysl.
- Bianki, V. (1933). *Konec zemli. Putevihe vpechatleniya 1930 goda : Putevihe zarisovki V. Kurdova* [The End of the Earth. Impressions of the Trip of 1930: V. Kurdov's Travel Journal]. 152 p. Leningrad, Moscow, Molodaya gvardiya.
- Buturlin, S. A. (1929). Chto takoe "Sever", kto tam zhivet, i buduthee mirovogo znachenie ego [What Is "North", Who Lives there and Its Future Global Importance]. In *Sovetskiy Sever. Komitet sodeystviya narodnostyam severnykh okrain pri Prezidiume VCIK*, 1, pp. 5–66.
- Etkind, A. (2003). Russkaya literatura XIX veka: roman vnutrenney kolonizatsii [19th Century Russian Literature: The Novel of Internal Colonisation]. In *Novoe literaturnoye obozrenie*, 59, pp. 103–124.

- Etkind, A., Uffelman, D., Kukulin, I. (Ed.) (2012). Tam vnutri : Praktiki vnutrenneyi kolonizatsii v kul'turnoyi istorii Rossii [There inside: Practices of Internal Colonisation in the Cultural History of Russia]. 960 p. Moscow, Novoe literaturnoye obozrenie.
- Gogol, N. V. (1967). Mihsli o geografii [Thoughts on Geography]. In Gogol N. V. Sobr. soch. : v 7 t. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, Vol. 6.
- Kryuchkov, V. V. (1979). *Sever: priroda i chelovek* [The North: Nature and Man]. 128 p. Moscow, Nauka.
- Layjus, Yu. A. (2010). Konec prirodi i perspektivih ehkologicheskoy istorii [The End of Nature and Perspectives of Environmental History. Review of: Nature's End : History and the Environment / eds. S. Sorlin & P. Warde. L., Palgrave Macmillan, 2009]. In *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*, vol. 2, Iss. 4, pp. 93–96.
- Nalimov, V. P. (1928). K voprosu o sotrudnichestve polyarnykh narodov v nauchnoy rabote i v chastnosti v okhrane prirodi [On the Cooperation of Polar Peoples to Scientific Work and Environmental Protection]. In *Okhrana prirodi*, 1, pp. 20–21.
- Nekrasov, N. A. (1982). Polnoe sobranie sochineniy [Complete Works, 15 Vols.]. Vol. 4. Poemih 1855–1877 gg. Leningrad, Nauka.
- Nogach, Z., Oborsky, S. (1962). *Gde ranjshe bihla tayjga...* [Where there Used to Be Taiga]. 358 p. Moscow, Sovetskaya Rossiya.
- Gazetnye vyrezki o rabote na Tobol'skom Severe 1926–1929 gg. [Newspaper Clippings on the Work in the Tobolsk North between 1926 and 1929]. In GARF. F. R–3977. Op. 1. D. 485.
- Pis'ma V. V. Vasiljevu, pervomu direktoru Kondo-Sosvinskogo zapovednika, ot pisatelya V. Bianki i drugikh [Letters to V. V. Vasilyev, First Head of Kondo-Sosvinsky Nature Reserve from Writer V. Bianki and Others] // GA KhMAO. F. 421. Shtil'mark Feliks Robertovich. Op. 1. D. 43. L. 4–7.
- Problemi Severa. Vihp. 18* [Problems of the North. Iss. 18]. *Razvitie proizvoditelnykh sil i problemih okruzhayutheyj sredih*. Moscow, Nauka, 1973. 238 p.
- Silin, A. N., Simonov, S. G. (1988). Social'no-ehkonomicheskoe razvitie Zapadno-Sibirskogo Severa: problemnihe situatsii [The Social and Economic Development of the Western Siberian North: Troublesome Situations]. In *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Ser. ehkonomiki i prikladnoy sociologii*, 1, pp. 50–60.
- Skachko, A. E. (1929). Organizatsiya territorii malikh narodov Severa [Territorial Structure of the Minor Peoples of the North]. In *Sovetskij Sever: Komitet sodeystviya narodnostyam severnykh okrain pri Prezidiume VCIK*, pp. 3–47.
- Slavin, S. V. (1975). *Osvoeniya Severa* [The Development of the North]. 198 p. Moscow.
- Sovetskij Sever : sbornik statey* [The Soviet North : A Collection of Articles]. Moscow, Komitet sodeystviya narodnostyam severnykh okrain pri Prezidiume VCIK, 1929. Vihp. 1. 272 p.
- Social'no-ehkonomicheskie problemih Severa : nauchnye doklady (1985) [The Social and Economic Issues of the North. A Report]. 45 p. Sverdlovsk, Akademiya Nauk SSSR.
- Sihroechkovskij, E. E. (1984). *Sovremennihe problemih okhrani prirodi na Kraynjem Severe* [The Modern Issues of Environmental Protection in the Far North]. 56 p. Moscow, Znanie.
- Shapalin, B. F. (1986). Vsesoyuznaya nauchnaya konferentsiya po voprosu "Narodnosti Severa: problemih i perspektivih ehkonomicheskogo i social'nogo razvitiya" [All-Union Scholarly Conference "The People of the North: Issues and Perspectives of Socio-Economic Development"]. In *Problemi Severa*, 22. *Osnovnihe nauchnihe problemih khozyaystvennogo osvoeniya Severa*. Moscow, Nauka, pp. 215–217.
- Shvecov, S. (1888). Ocherk Surgut'skogo kraja [A History of Surgut Region]. In *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdeleniya IRGO. Kniga 10*. Omsk, S. n., pp. 11–34.
- Yanovsky, V. V. (1969). *Chelovek i Sever* [Man and the North]. 160 p. Magadan, S. n.
- Zamyatin, D. N. (2003). *Gumanitarnaya geografiya : Prostranstvo i yazykh geograficheskikh obrazov* [Humanitarian Geography: The Space and Language of Geographical Images]. 331 p. St Petersburg, Aleteyja.
- Zemcov, A. A. (1995). Sever Zapadnoy Sibiri pod tekhnogennim pressom [The North of Western Siberia under Industrial Pressure]. In *Geografiya i prirodnihe resursih*, Iss. 4, pp. 38–43.
- Zhitkov, B. M. (1929). O putyakh soobsheniya na Severe [About the Transportation System of the North]. In *Sovetskij Sever: Komitet sodeystviya narodnostyam severnykh okrain pri Prezidiume VCIK*, 1, pp. 98–110.